

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ | METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Научная статья | Original paper

Субъективная приемлемость вандализма, посягающего на общественный порядок: разработка конструкта и его эмпирическая проверка

К.В. Злоказов¹ ✉

¹ Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Российская Федерация

✉ zkirvit@yandex.ru

Резюме

Контекст и актуальность. Исследование обусловлено ростом преступлений против общественного порядка, результатом которых становится повреждение или уничтожение имущества, совершенных в России в период с 2022 по 2024 год. Недостаточная разработанность представлений о вандализме как посягательстве на общественный порядок затрудняет решение этой задачи и выступает научной проблемой. **Цель** — разработка теоретической модели представления о вандализме как угрозе общественному порядку и ее операционализация в виде шкалы субъективной оценки вандализма объектов государственной, муниципальной и частной собственности. **Выборку составили:** группа экспертов — 27 участковых уполномоченных полиции различных регионов страны; группа респондентов — 417 человек (ср. возраст — 21,3 года; SD = 4,1 лет; 50,3% — мужчины, обучающиеся в образовательных организациях высшего образования Калужской, Свердловской, Ульяновской областей, г. Санкт-Петербург по очной и заочной формам обучения). **Методы и материалы** исследования. Применялись: а) метод опроса с предъявлением авторских фотографий вандализмом поврежденных объектов государственной, муниципальной и частной собственности, дополненных интервальной дихотомической шкалой фиксации когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонент представления; б) методики: оценки антисоциальной креативности (Н.В. Мешкова с соавт.), Шкала правового нигилизма (Е.В. Распопин, В.О. Ермош), Шкала риска криминализации (К.В. Злоказов). Методом обработки данных стал комплекс процедур оценки надежности (а Кронбаха, корреляционный анализ), сравнения групп (Н-критерий Краскелла—Уоллиса), исследования структуры (эксплораторный факторный анализ, EFA). **Результатами** исследования стали: верификация конструкта представления о вандализме как осмысленном, привлекательном и допустимом противоправном

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

деянии, посягающем на общественный порядок; подтверждение надежности Шкалы изучения представлений о вандализме на основе изображений вандально-пораженных объектов городской среды. Показано, что предпосылками вандализма, посягающего на общественный порядок, выступают антисоциальная креативность, правовой нигилизм и комплекс отношений личности, способствующие криминализации ее поведения (сверхценное отношение к себе, обесценивающее отношение к наказанию и цинично-обвиняющее отношение к потерпевшему). **Выводы.** Конструкт и шкала субъективной приемлемости вандализма обладают достаточным потенциалом применения в научной и практической деятельности. Выявленные психологические предпосылки вандального поведения могут использоваться в профилактической работе по поддержанию общественного порядка.

Ключевые слова: вандализм, общественный порядок, психология правонарушения, мотивация вандализма, профилактика вандализма

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00900, <https://rscf.ru/project/25-18-00900/>

Для цитирования: Злоказов, К.В. (2026). Субъективная приемлемость вандализма, посягающего на общественный порядок: разработка конструкта и его эмпирическая проверка. *Психология и право*, 16(2), 31—48. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160203>

The subjective acceptability of vandalism as a violation of public order: development of a construct and its empirical verification

K.V. Zlokazov¹ ✉

¹ Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation

✉ zkirvit@yandex.ru

Abstract

Context and relevance. The study is driven by an increase in crimes against public order, which result in damage or destruction of property committed in Russia between 2022 and 2024. The lack of elaboration of ideas about vandalism as an encroachment on public order makes it difficult to solve this issue and constitutes a scientific problem. **Objective.** The aim is to develop a theoretical model of the concept of vandalistic behavior as a threat to public order and its operationalization in the form of a scale of subjective assessment of vandalized objects of state, municipal and private property. **Methods and materials.** The group of experts consisted of 27 police officers from various regions of the country; the group of respondents consisted of 417 people (mean age: 21.3 years, SD = 4.1 years, 50.3% male participants, studying at higher education institutions in Kaluga, Sverdlovsk, Ulyanovsk regions, St. Petersburg. **Methods** Assessment of antisocial creativity (N.V. Meshkova et al.), the scale of legal nihilism (E.V. Raspopin, V.O. Ermosh), the scale of criminalization risk (K.V. Zlokazov) were used. Data were analyzed using reliability assessment procedures (Cronbach's alpha, correlation analysis), group comparisons (Kruskal—

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

Wallis H test), structural studies (exploratory factor analysis, EFA). **Results.** Verification of the construct of the perception of vandalism as a meaningful, attractive and permissible illegal act, confirmation of the reliability of the scale for studying ideas about vandalism. It is shown that the prerequisites for vandalism that encroaches on public order are antisocial creativity, legal nihilism, and a set of personality attitudes that contribute to the criminalization of behavior. **Conclusions.** The construct and the scale of subjective acceptability of vandalism have sufficient potential for application in scientific and practical activities. Identified psychological prerequisites for vandalistic behavior can be used in preventive work with diverse groups of the population to reduce acts aimed at violating public order.

Keywords: vandalism, public order, psychology of offense, motivation of vandalism, prevention of vandalism

Funding. The study was supported by the Russian Science Foundation, project number № 25-18-00900, <https://rscf.ru/en/project/25-18-00900/>

For citation: Zlokazov, K.V. (2026). The subjective acceptability of vandalism as a violation of public order: development of a construct and its empirical verification. *Psychology and Law*, 16(2), 31—48. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2026160203>

Введение

Анализ статистических данных об административных и уголовных наказаниях за вандализм, уничтожение и повреждение чужого имущества свидетельствует о тенденции к снижению данных противоправных деяний за 2022—2024 года более чем на 15%¹. Однако изучение новостных публикаций за аналогичный период показывает, что осквернение объектов государственного и муниципального имущества, порча транспортной инфраструктуры, зданий и сооружений ежегодно требует значительных средств на восстановление и ремонт². Более того часть вандальных повреждений не регистрируется органами охраны правопорядка, поскольку сразу устраняется уполномоченными службами³. При снижении вандальной нагрузки на внутри- и околodomовое пространство на прежнем уровне находится ущерб, наносимый памятникам архитектуры, истории и культуры. Помимо этого, в последние три года увеличивается количество преступлений, в которых уничтожение и повреждение имущества нацелено на устрашение населения, оказание дезорганизующего воздействия на органы власти. В частности, за совершение террористических актов на территории нашей страны в 2022 году было осуждено 569 человек, в 2023 — 711, в 2024 — 869. Растет количество преступлений, связанных с возбуждением ненависти и вражды. Так, если в 2022 году по статье 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» было осуждено 264 человека, то в 2023 — 388, а в 2024 — 491. Можно заключить, что снижение бытового вандализма происходит наряду с увеличением вандальных поражений, наносимых государственному и муниципальному

¹ Судебная статистика РФ. [б.г.]. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--plai/> (дата обращения: 01.07.2025).

² Более 17 тысяч вандальных рисунков удалили с городских объектов в 2024 году. (2025). Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. URL: <https://www.mos.ru/news/item/149687073/> (дата обращения: 01.07.2025).

³ Каждая пятая управляющая компания в России еженедельно сталкивается с вандализмом. (2025, Май 18). *Газета.ru*. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2025/05/18/25809170.shtml> (дата обращения: 01.07.2025).

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

имуществу. Изменение целей вандализма сопровождается общественной опасностью способов, которыми они достигаются, а также вовлечением несовершеннолетних и молодежи в их совершение⁴.

Эта тенденция актуализирует научное переосмысление вандальных деяний с позиций их угрозы общественному порядку и общественной безопасности. Поскольку актуальные исследования в основном представляют вандализм вызовом общественной нравственности, классификация его как посягательства на общественный порядок требует разработки субъективной стороны данного деяния. В свою очередь, изучение субъективной приемлемости вандальных действий позволит понять направленность опрашиваемого лица на их совершение. Подобный диагностический инструмент, отсутствующий в настоящее время, будет полезен для осуществления превентивных мер в отношении несовершеннолетних и молодежи, профилактики действий лиц, вовлекаемых в совершение террористических и экстремистских действий.

Поэтому целью исследования является разработка теоретической модели представления о вандальном поведении как угрозе общественному порядку и ее операционализация в виде шкалы субъективной оценки вандально-пораженных объектов государственной, муниципальной и частной собственности.

Задачами исследования выступает синтез интерпретаций вандального поведения в контексте посягательства на общественный порядок в уголовно-правовом и административном законодательстве; конкретизация теоретических представлений о субъективных составляющих вандализма и разработка их теоретической модели; эмпирическое исследование субъективных представлений о вандально-пораженных объектах городской среды.

Результатом исследования выступает теоретическая модель (конструкт) субъективного представления о вандальных действиях, отражающая приемлемость нарушения общественного порядка и ее операционализация в виде шкалы субъективной оценки изображений вандально-пораженных объектов.

Структура статьи соответствует ее задачам. В начале обсуждаются представления о вандализме в российском уголовно-правовом и административном законодательстве, затем описываются подходы к изучению вандального поведения, на основе обобщения которых формируется теоретическая модель представления о вандализме. В эмпирической части статьи раскрывается операционализация теоретической модели в виде шкалы оценки представлений о субъективном значении, привлекательности и допустимости вандальных повреждений объектов городской среды, осуществляется интерпретация результатов и формулируются выводы.

Вандализм как посягательство на общественный порядок. Вандализм является антиобщественным деянием, преимущественно выражающимся в осквернении (порче), умышленном повреждении или уничтожении чужого имущества. Уголовно-правовая оценка вандализма строится на основе признания его общественной опасности, границы которой устанавливаются и регулируются вредом, причиняемым различным общественным

---

⁴ МВД назвало число поджогов военкоматов и диверсий на ж/д с марта 2022 года. (2024, Январь, 22). *RTVI*. URL: <https://rtvi.com/news/mvd-nazvalo-chislo-podzhogov-voenkmatov-i-diversij-na-zh-d-s-marta-2022-goda/> (дата обращения: 01.07.2025).

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

отношениям (Бавсун, 2021). Криминализация (признание общественной опасности) вандажных действий различается в зависимости от посягательств на общественные отношения, которыми выступают права и свободы личности, отношения собственности, общественного порядка и общественной безопасности, государственной власти (Старостин, 2017). Поэтому критерии криминализации вандализма связываются не только с самим вредом, но и со способом его совершения, мотивом и целью, характеристиками вандажно-пораженного объекта и потерпевшего.

С учетом представлений о сущности вандализма и его общественной опасности (Бохан, 2015; Складов, 2012, Староверов, 2019) многообразие проявлений вандажного поведения может условно быть рассмотрено как совокупность трех видов деяний: преступление, правонарушение, проступок. В наиболее общем виде они могут быть дифференцированы:

- на общественно опасное вандажное действие, совершение которого запрещено уголовным законом;
- общественно-вредное вандажное действие, совершение которого нарушает нормы административного законодательства;
- антиобщественное вандажное действие, нарушающее нормы (правила) поведения, определенные для участников различных видов общественных отношений — трудовых, служебных, образовательных и пр. (Кобзарь-Фролова, 2010).

В правоприменительной практике разграничение ответственности за совершение вандажных деяний предполагает анализ его объективных и субъективных составляющих (Лепина, 2022). Так, порча школьного имущества обучающимся (разбитый унитаз) может быть квалифицирована и как дисциплинарный проступок, и как преступление (в случае если оно совершено общеопасным способом — взрывом). Потерпевший, на входной двери квартиры которого маркером была нанесена оскорбительная надпись, может являться специальным субъектом (военнослужащим, представителем власти, участником судопроизводства), что позволяет квалифицировать данное деяние, выражающееся в порче чужого имущества, как уголовное преступление, посягающее на отношения в сфере государственной власти. Закрашивание стекол в вагоне метро, полностью препятствующее его использованию, может быть квалифицировано и как совершение вандажных действий в форме порчи имущества в общественных местах (ч. 1, ст. 214), и как умышленное уничтожение или повреждение имущества, совершенное из хулиганских побуждений (ч. 2, ст. 167). Для этого анализу должны быть подвергнуты характер объекта повреждения и мотив деяния (Зарубин, 2015). Вместе с тем оценка мотива может уточнить квалификацию деяния, поскольку желание самоутвердиться, продемонстрировав пренебрежение общепринятыми нормами поведения существенно отличается от мотива вражды или ненависти по отношению к какой-либо социальной группе.

Таким образом, считая вандализм посягательством на общественный порядок, полагаем, что необходимые для такой квалификации объективные и субъективные признаки должны получить соответствующий приоритет. Главенствующее значение целесообразно придавать не осквернению, порче или уничтожению имущества, а негативному влиянию вандализма на органы власти, государственные, муниципальные и общественные институты; его деморализующему воздействию на общество; его криминогенной контагиозности, выражающейся в побуждении других лиц к совершению аналогичных действий. При этом

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

предупреждение и профилактика вандальных действий также должны основываться на индивидуальных и общественных представлениях о вандализме (Van Wilsem, 2004). Учитывая, что представленные критерии не могут быть разработаны посредством правовых исследований, решение этой задачи нуждается в изучении субъективной стороны восприятия, переживания и оценки вандализма.

Теоретические подходы к изучению вандального поведения. Феноменология вандального поведения изучается с начала XX века в межпредметной области, образованной слиянием криминологии и социологии. Первые исследования вандального поведения, развернувшиеся в 40—50-х годах, были направлены на изучение образа жизни горожан как причины их вандального поведения. Их основаниями выступили концепции социальной дезорганизации и социального контроля. Вандализм объяснялся дезорганизацией нормативно-правовых основ общественного порядка (Merton, 2017), способствующей увеличению правонарушений (Sykes, Matza, 2017), приводящей к формированию криминальных городских сообществ (Agnew, 2017). С позиции концепции социального контроля вандальное поведение объяснялось недостатком сил и средств охраны правопорядка (Cecato, 2015), снижением возможности неформального контроля населения над вандализмом (Shaw, McKay, 2010). На основе этих теорий выстраивалась превентивно-профилактическая работа, имевшая в основном карательный характер по отношению к субъектам вандальных действий и антивандально-защитный по отношению к объектам.

Понимая, что репрессивные или пассивно-защитные стратегии противодействия вандализму не приносят результата, исследователи перешли к комплексной оценке его разнородных причин и столь же многообразных последствий. Поэтому уже к середине 80-х годов XX века акцент сместился с вандально-пораженных объектов на изучение психологии субъекта вандальных действий. Так, разрушительное поведение стало рассматриваться через призму субъективных представлений: отмечалось, что и вандализм, и наблюдение за вандальными действиями приносят эстетическое удовольствие; вандализм имеет значение и может рассматриваться как коммуникативный акт; вандализм является способом адаптации субъекта к городу и иным видам социально-регламентированных пространств (Allen, Greenberger, 1978; Allen, Greenberger, 2013; Fisher, Baron, 1982).

Расширение предметного поля исследований способствовало накоплению знаний о его отдельных компонентах — когнитивных, эмоциональных и поведенческих.

С когнитивных позиций вандальное поведение рассматривается целерациональным действием, направленным на получение определенных ресурсов, устранение препятствий или приспособление объектов среды в своих целях. Вандальные рисунки, символы и надписи с когнитивных позиций представляют собой своеобразное коммуникативно-символическое действие, значение которого нацелено на жителей города и может быть расшифровано (Воробьева и др., 2018; Fisher, Baron, 1982).

Эмоциональный компонент вандализма раскрывает переживания, свойственные лицам, осуществляющим вандальные действия или наблюдающими вандальные повреждения. В нем выделяются такие эмоциональные проявления, как чувство страха и опасности, вызванное опасением быть пойманным; чувство удовольствия от удовлетворения любопытства; чувство облегчения и радости, побуждаемое получением контроля над обстановкой (Allen, Greenberger, 2013; Pfattheicher, Keller, Knezevic, 2019). К числу эмоциональных переживаний

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

относят также радость от присвоения чужого имущества, уничтожения памятников, сооружений, символизирующих свергнутую власть (Marschall, 2017).

Поведенческое направление исследования вандализма нацелено на раскрытие его инструментальных составляющих — мотивации и целей, процесса вандальных действий, условий в которых они совершаются (Кружкова, Воробьева, Матвеева, 2024; Николаева и др., 2020).

Полученные сведения о причинах и условиях вандального поведения способствовали пониманию его феноменологии, лежащей вне антиобщественного поведения, но смежного с ним. Это способствовало не только совершенствованию антивандальной защищенности объектов культурного наследия, но и компромиссам в использовании общественных пространств для самовыражения и демонстрации творческих способностей (Vanderveen, Van Eijk, 2016). Однако рост преступлений экстремистской и террористической направленности в нашей стране актуализирует изучение общественно опасных форм вандального поведения. Ими выступают осквернение и порча сооружений, используемых федеральными органами государственной власти, транспортной инфраструктуры авиа- и железнодорожного транспорта, линий коммуникаций. Вандальные повреждения наносятся и общественно-опасным способом (поджог, взрыв), и с привлечением внимания (в виде рисунков, сообщений, заклеивания), что указывает на влияние антисоциальной креативности (Perchtold-Stefan et al., 2021). Совершению деяний способствует недооценка уголовно-правовых последствий вандализма, недостаточный уровень развития правосознания, в том числе у несовершеннолетних и молодежи, влияние субкультур с антиобщественной направленностью (Волкова, Митицина, 2020; Николаева и др., 2020; Kalgi, Aliyev, 2015; Van Wilsem, 2004).

Исходя из сущности вандализма и особенностей лиц, участвующих в его совершении, можно заключить, что меры противодействия должны основываться на анализе субъективных представлений о приемлемости подобных действий, сочетаясь с изучением их антиобщественной и криминальной направленности. Выявление одобрительного отношения к вандализму, посягающему на общественный порядок, может обосновывать проведение превентивных мероприятий с несовершеннолетними и молодежью и профилактику вандализма среди ранее судимых лиц.

Отсутствие конструкта и методики, которые могли бы быть применены для решения этой задачи, обуславливает необходимость изучения субъективного представления о вандализме как антиобщественном противоправном деянии. В этой связи нами предлагается теоретическая модель представления о приемлемости совершения вандальных действий в отношении объектов государственной, муниципальной и частной собственности.

Модель представления включает когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты, в совокупности подразумевающие приемлемость вандализма. Приемлемость характеризуется: а) приданием значения вандальным повреждениям (когнитивный компонент), б) признанием их привлекательности (эмоциональный компонент); в) констатацией допустимости нанесения (поведенческий аспект). Проверка теоретической модели осуществляется посредством эмпирического исследования.

Материалы и методы

Цель — операционализация субъективных представлений о вандально-пораженных объектах городской среды, отражающих посягательство на общественный порядок.

Злоказов К.В. (2026)

Субъективная приемлемость вандализма, посягающего на общественный порядок: разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)

The subjective acceptability of vandalism as a violation of public order: development of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

Задачи исследования.

1. Стандартизация изображений вандално-пораженных объектов и оценка согласованности шкалы оценивания субъективных представлений о вандализме.
2. Выявление структуры представлений о вандализме, определяющей отношения между когнитивными, эмоциональными и поведенческими компонентами представления.
3. Определение отношений между представлением о вандално-пораженных объектах и антиобщественной, криминогенной направленностью личности (в параметрах антисоциальной креативности, правового нигилизма и риска криминализации).

Методы. Методом сбора информации выступал опрос. Для опроса использовались следующие методики.

1. Авторский комплект фотографий вандално-пораженных объектов городской среды, дополненный шкалой оценки представления о вандализме, разработанный на основе теоретической модели. В качестве стимулов опроса использовались фотографии вандално-пораженных объектов (рис.).

Рис. Образцы стимульного материала (без изображений, содержащих запрещенные уголовным законом надписи и знаки)

Fig. Samples of stimulus material (without images containing inscriptions and signs prohibited by criminal law)

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

Отбор осуществлялся с учетом следующих требований: а) различие принадлежности объекта, подвергшегося осквернению (порче) по критерию собственности (государственная, муниципальная, частная); б) оценка нанесенного поражения (ущерба), мешающего или затрудняющего использование объекта по своему назначению (функциональный аспект) либо искажающего его вид (эстетический аспект); в) дифференциация санкций за осквернение (порчу) объекта на уголовно-правовые, административные и дисциплинарные. Для квалификации санкций к анализу были привлечены 27 сотрудников участковых уполномоченных из территориальных органов внутренних дел Российской Федерации различных регионов страны. По результатам отбора были определены 15 фотографий вандальных повреждений, удовлетворяющих описанным критериям.

Предметом опроса являлись когнитивные, эмоциональные и поведенческие характеристики каждого вандального действия, собираемые для выявления их общности и построения шкалы оценки субъективных представлений. Когнитивная компонента — значение вандального действия — измерялась признаками «осмысленно—бессмысленно», «умно—глупо», «толково—бестолково»; эмоциональная компонента измерялась по признакам «нравится—не нравится», «привлекательно—непривлекательно», «радует—огорчает»; поведенческая компонента — допустимость вандального действия — измерялась индикаторами «поддерживаю—порещаю», «допустимо—недопустимо», «поступлю так—не стану так поступать». Результаты восприятия каждого акта вандализма обследуемыми обобщались с помощью мер центральной тенденции, оценки распределения, а также согласованности ответов.

2. Для опроса использовался комплект методик, характеризующих антиобщественную и криминальную направленность личности: Опросник антисоциальной креативности (Мешкова и др., 2018); Шкала правового нигилизма (Распопин, Ермош, 2015); Шкала риска криминализации (Злоказов, 2023).

Методами обработки результатов выступали процедуры математико-статистического анализа: а) расчет мер центральной тенденции для характеристики когнитивных, эмоциональных и поведенческих компонент представления; б) расчет согласованности и связи представлений о вандальных действиях (альфа Кронбаха и корреляционный анализ); в) эксплораторный факторный анализ для анализа структуры представлений; г) изучение конвергентной валидности модели представления по отношению к уровню правосознания, асоциальной креативности и криминальной направленности (Н-критерий Красселла—Уоллиса).

Выборка исследования составила: группа экспертов — 27 участковых уполномоченных из территориальных органов внутренних дел Российской Федерации различных регионов страны; группа респондентов — 417 человек (ср. возраст — 21,3 года; SD = 4,1 лет; 50,3% — мужчины, обучающиеся в образовательных организациях высшего образования Калужской, Свердловской, Ульяновской областей, г. Санкт-Петербурга по очной и заочной формам обучения).

Процедура. Исследование проводилось посредством интернет-форм, включающих изображение вандально-пораженных объектов городской среды и шкал опросников. Исследование носило добровольный и анонимный характер, с предварительным информированием респондентов о цели, содержании, длительности выполнения.

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

Результаты

Результаты исследования описываются в соответствии с его задачами.

1. Стандартизация изображений вандално-пораженных объектов и оценка согласованности шкалы оценивания субъективных представлений о вандализме.

Получены статистические данные, свидетельствующие об однородности восприятия вандално-пораженных объектов, относимых к различным видам собственности (государственной, муниципальной, частной). Согласованность мнений респондентов подтверждена отсутствием статистически значимых различий в восприятии изображений ($p > 0,05$).

Результаты анализа ответов свидетельствуют о достаточности интервальной дихотомической шкалы оценивания, крайние значения которой составили противоположные по смыслу суждения о сущности вандалных действий. Мнения респондентов распределились относительно середины шкалы (для когнитивного измерения ср. знач. = 3,29, SD = 0,52; эмоциональные характеристики — ср.знач. = 3,37, SD = 0,43; поведенческие характеристики — ср. знач. = 3,19, SD = 0,48). Распределение ответов соответствовало нормальному закону (оценивалось критерием Шапиро—Уилка).

Согласованность мнений по когнитивным, эмоциональным и поведенческим компонентам представления о вандализме рассчитывалась с помощью коэффициента α Кронбаха, а также коэффициента корреляции «пункт—шкала». Был установлен достаточный уровень согласованности (α Кронбаха для утверждений когнитивного компонента = 0,89, $r = 0,71$; эмоционального компонента = 0,88, $r = 0,67$, поведенческого = 0,88, $r = 0,74$).

Результаты решения первой задачи показывают, что демонстрация комплекса фотографий вандалных действий позволяет получить непротиворечивые и согласованные представления о вандално-пораженных объектах. Это указывает на допустимость использования фотоизображений для изучения представлений о значении вандалных действий, эмоциональном отношении к ним и допустимости их совершения.

2. Анализ структуры представлений о вандално-пораженных объектах. Изучение структуры представлений выполнялось для проверки гипотезы об однородности их априорно произведенной (теоретической) группировки в соответствии с когнитивными, эмоциональными и поведенческими их компонентами. Структура изучалась посредством эксплораторного факторного анализа, поскольку отсутствовали предположения об организации или структуре представлений, обосновывающие применение других методов статистического анализа (конфирматорного факторного анализа, структурных линейных уравнений).

Решение задачи в терминах факторного анализа предполагало выделение небольшого количества факторов, объясняющих связи между компонентами представлений. Поскольку факторы могли быть связаны между собой, для их определения использовался облический метод экстракции факторов, а не ортогональный. Кроме того, в целях установления максимального соответствия между эмпирическими данными и структурой факторов применялся метод максимального подобия (maximum likelihood) с вращением облимин (oblimin) (Finch, 2020).

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструктора и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

Проверка подтвердила возможность его выполнения на собранном эмпирическом материале (тест Бартлетта — $\chi^2 = 1828$; $df = 105$; $p < 0,001$; тест Кайзера—Мейера—Олкина — MSA по всем переменным = 0,899, в 0,872—0,952).

Число факторов определялось по критерию собственного значения (eigenvalue), превышающему 1, и проценту объясняемой дисперсии. Было получено трехфакторное решение, объясняющее 56,6% дисперсии. Качество решения удовлетворяет критериям соответствия между исходными данными и их эмпирической моделью ($n = 417$; $\chi^2 = 94,1$; $df = 51$; $p < 0,001$; RMSEA = 0,057; RMSEA 90% CI = 0,038—0,075; CFA = 0,971).

Решение продемонстрировало группирование переменных, относимых к когнитивному, эмоциональному и поведенческому компонентам представлений в виде самостоятельных факторов. При этом переменные, составляющие поведенческий фактор, в полученном решении имеют максимальный факторный вес (3,00) и процент объясняемой дисперсии (20,64%) по сравнению с эмоциональным (2,89 и 18,57% соответственно) и когнитивным (2,52 и 17,11% соответственно) компонентами. Также между факторами были выявлены положительные статистически значимые корреляционные связи (когнитивный—эмоциональный факторы: $r = 0,56$, $p < 0,001$; когнитивный—поведенческий факторы: $r = 0,47$, $p < 0,001$; эмоциональный—поведенческий факторы: $r = 0,55$, $p < 0,001$). Связи указывают на принадлежность компонент одной общности, позволяя рассматривать сумму их значений в виде суммарного показателя, характеризующего общее представление опрашиваемого лица о вандализме.

В целом, решение второй задачи подтверждает структуру и связь компонент представлений о вандальном действии, обосновывая, во-первых, возможность их дифференцировать по трем компонентам (когнитивному — осмысленности, эмоциональному — привлекательности, поведенческому — допустимости совершения); во-вторых, обобщить их в единый показатель представления о приемлемости вандализма по отношению к объектам государственной, муниципальной и частной собственности.

3. Определение отношений между представлением о вандально-пораженных объектах и уровнем антиобщественной, криминогенной направленности личности.

Решение задачи осуществлялось выявлением различий в субъективных представлениях о вандальных повреждениях у лиц, имеющих высокие значения (более $M + 1,5$ SD), средние (в диапазоне от $M - 1,5$ SD до $M + 1,5$ SD) и низкие значения (менее $M - 1,5$ SD) по показателям антисоциальной креативности, правового нигилизма и риска криминализации. Опрошенные лица, отобранные по данным критериям, образовали подгруппы выборки, различия между которыми выявлялись посредством Н-критерия Краскелла—Уоллиса с оценкой мощности различий расчетом критерия ε^2 . Установлено следующее.

1. Высокий уровень антисоциальной креативности способствует признанию вандальных действий ($\chi^2 = 15,58$; $df = 3$; $p = 0,001$; $\varepsilon^2 = 0,061$), в том числе их осмысленности ($\chi^2 = 9,58$; $df = 3$; $p = 0,022$; $\varepsilon^2 = 0,037$), эмоциональной привлекательности ($\chi^2 = 11,49$; $df = 3$; $p = 0,009$; $\varepsilon^2 = 0,044$) и допустимости совершения ($\chi^2 = 16,93$; $df = 3$; $p < 0,001$; $\varepsilon^2 = 0,07$).

2. Высокий уровень правового нигилизма влияет на признание вандальных действий ($\chi^2 = 12,43$; $df = 3$; $p = 0,006$; $\varepsilon^2 = 0,048$) и согласие с их эмоциональной привлекательностью ($\chi^2 = 19,96$; $df = 3$; $p < 0,001$; $\varepsilon^2 = 0,078$), а также допустимостью ($\chi^2 = 7,86$; $df = 3$; $p = 0,049$;

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

$\varepsilon^2 = 0,03$). Влияния правового нигилизма на когнитивный компонент представления не установлено ($p = 0,191$).

3. Высокий риск криминализации в сравнении с низким и средним влияет на признание вандальных действий ($\chi^2 = 29,1$; $df = 3$; $p < 0,001$; $\varepsilon^2 = 0,11$), их осмысление ($\chi^2 = 12,2$; $df = 3$; $p = 0,007$; $\varepsilon^2 = 0,047$), эмоциональную привлекательность ($\chi^2 = 44,7$; $df = 3$; $p < 0,001$; $\varepsilon^2 = 0,17$) и допустимость совершения ($\chi^2 = 27,1$; $df = 3$; $p < 0,001$; $\varepsilon^2 = 0,105$).

Результаты решения третьей задачи позволяют заключить, что представление об актах вандализма находится в предсказуемой зависимости от антиобщественной и криминальной направленности личности. При этом наибольшее влияние зафиксировано в эмоциональной и поведенческой составляющих представления, указывающих на положительную оценку и признание вандальных действий лицами с криминальными и антиобщественными мотивами.

Обсуждение результатов

Выполненное исследование подтверждает предположение о том, что отношение к вандальному поведению в отношении объектов государственной, муниципальной и частной собственности выступает индикатором отношения к общественному порядку. Теоретический анализ показал, что его изучение с этих позиций возможно путем анализа субъективных представлений об осмысленности вандального деяния, его эмоциональной привлекательности и допустимости совершения.

Эмпирическое исследование подтвердило обоснованность применения интервальной дихотомической шкалы оценивания для регистрации ответов и достаточный уровень надежности (по критериям согласованности) выбранного набора фотографий. Изучение структуры ответов посредством эксплораторного факторного анализа продемонстрировало их соответствие теоретической модели представления, включающей когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты. Полученное факторное решение свидетельствует о возможности измерения осмысленности, привлекательности и допустимости вандализма с обобщением в виде суммарного показателя, характеризующего обобщенное представление о приемлемости.

Изучение отношений между субъективным представлением о вандализме и предпосылками асоциального и криминального поведения подтвердило конвергентную валидность шкалы с этими индивидуальными особенностями. Было установлено, что антисоциальная креативность усиливает эмоциональную привлекательность вандализма и допустимость его совершения при достижении максимального уровня выраженности (критерий парных сравнений Двасса—Стила—Критчлоу—Флигнера: $W = 5,061$; $p = 0,002$) и только для вредоносной и шутливой креативности. Влияние правового нигилизма также установлено применительно к эмоциональному и поведенческому компонентам вандализма и также только при максимальном его выражении ($W = 4,039$; $p = 0,01$). Фактически только показатель риска криминогенности личности значимо влияет и на эмоциональный, и на поведенческий, и на когнитивный компоненты представления о вандализме, равно как и наблюдается в группах со средним и высоким уровнями его проявления ($W = 6,42$; $p < 0,001$ и $W = 5,75$; $p < 0,001$).

Психологическое объяснение выявленным фактам видится в антиобщественном и противоправном значениях, придаваемых вандализму. С субъективной точки зрения функцией вандализма выступает осквернение, не просто затрудняющее или мешающее

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

использовать объект, но снижающее его культурную ценность и общественное значение. Таким образом, акт вандализма как посягательства на общественный порядок реализует два символических значения: *противоправно-деструктивное*, нацеленное на демонстрацию слабости государственного и общественного контроля над асоциальным поведением, и *антисоциально-креативное*, фокусирующееся на противопоставлении личности общественному порядку через эксплуатацию субкультурного значения вандального повреждения. Подобная трактовка соответствует общим представлениям об антиобщественной сущности вандализма, однако расширяет область представления о его противоправных формах как исключительно криминальных (Seccato, 2015), политически мотивированных (Marschall, 2017) или импульсивно-разрушительных (Perchtold-Stefan et al., 2021).

Проведенное исследование дополнило теоретические представления о психологических аспектах вандализма, связанных с готовностью к его совершению. Теоретически описанные составляющие вандального поведения, раскрывающие его значение, эмоциональное отношение и признание допустимости, были эмпирически связаны с изображениями вандально-пораженных объектов. Это расширяет возможности эмпирической проверки теорий вандального поведения о протестно-девиантном, криминальном, эстетическом мотивах вандализма. Кроме того, выявленные отношения между вандализмом и асоциальной креативностью, криминогенностью, правовым нигилизмом обогащают социально-психологические и субкультурные концепции вандализма, показывая новые возможности объяснения причин и регуляции групповых вандальных действий. Наконец, в ходе исследования не выявлено влияние представлений об опасности вандальных действий, возможностях самовыражения посредством их совершения общественно опасным способом, что требует дальнейшего изучения, в том числе посредством сопоставления с разработанными методиками психологической диагностики вандального поведения (Кружкова, Воробьева, Матвеева, 2024; Kalgi, Aliyev, 2015).

В целом, результаты обосновывают необходимость дальнейшего изучения отношения к вандализму как индикатора готовности к совершению правонарушений и преступлений, посягающих на общественный порядок.

Заключение

1. Установлено, что направленность на нарушение общественного порядка может изучаться через отношение к вандальным действиям. Субъективное представление о вандализме в таком случае должно включать в себя признание его осмысленности, эмоциональной привлекательности и допустимости совершения.

2. Оценка вандально-пораженных объектов путем их субъективного шкалирования по когнитивному (осмысленность), эмоциональному (привлекательность) и поведенческому (допустимость) компонентам позволяет выполнить оценку представления о вандализме с приемлемой степенью надежности и структурной валидности.

3. Показано, что представление о вандализме находится под влиянием антисоциальной креативности, правового нигилизма и комплекса отношений личности, способствующих криминализации ее поведения (сверхценное отношение к себе, обесценивающее отношение к наказанию и цинично-обвиняющее отношение к потерпевшему).

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

Ограничения. Исследование имеет несколько ограничений, требующих дальнейших теоретических и эмпирических исследований представлений о вандализме в его смежных областях: в части стимульного материала — отсутствие изображений объектов пораженных вследствие поджога, взрыва, физического воздействия; в части выборки исследования — необходимость привлечения лиц, имеющих опыт вандальных действий и сопоставление с правопослушной выборкой; в части конструкта — изучение мотивации разрушения, вызванной небрежностью действий, неумышленностью либо корыстью.

Limitations. The present study has several limitations that necessitate further theoretical and empirical investigations into the conceptualizations of vandalism within its related domains: with respect to the stimulus material — the absence of images depicting objects affected by arson, explosion, or physical impact; with respect to the study sample — the necessity of involving individuals with experience of vandalistic acts and their comparison with a law-abiding sample; with respect to the construct — the examination of the motivation for destruction induced by negligence of actions, unintentionality, or self-interest.

Список источников / References

1. Бавсун, М.В. (2021). «Чрезвычайное» правовое регулирование как новая модель управления общественными отношениями. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 1(89), 10—16. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-1-10-16>
Bavsun, M.V. (2021). «Emergency» legal regulation as new public relations management model. *Vestnik of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1(89), 10—16. (In Russ.). <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-1-10-16>
2. Бохан, А.П. (2015). Уголовно-правовая характеристика вандализма и отграничение его от смежных составов преступлений и административных правонарушений. *Теория и практика общественного развития*, 9, 117—120. URL: <https://www.elibrary.ru/uchkcn> (дата обращения: 01.07.2025).
Vokhan, A.P. (2015). Criminal characteristics of vandalism and its delimitation from related crimes and administrative offenses. *Theory and Practice of Social Development*, 9, 117—120. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/uchkcn> (viewed: 01.07.2025).
3. Воробьева, И.В., Злоказов, К.В., Кружкова, О.В., Оболенская, А.Г., Порозов, Р.Ю., Руденкин, Д.В., Симонова, И.А. (2018). *Вандализм в городской среде: девиация или коммуникация: Монография* (И.В. Воробьева, О.В. Кружкова, ред.). Екатеринбург. URL: <https://www.elibrary.ru/iflltn> (дата обращения: 01.07.2025).
Vorobyeva, I.V., Zlokazov, K.V., Kruzhkova, O.V., Obolenskaya, A.G., Porozov, R.Yu., Rudenkin, D.V., Simonova, I.A. (2018). *Vandalism in an urban environment: deviation or communication: Monograph* (I.V. Vorobyeva, O.V. Kruzhkova, eds.). Yekaterinburg. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/iflltn> (viewed: 01.07.2025).
4. Волкова, Е.Н., Митицина, Е.А. (2020). Обзор психологических исследований вандализма детей и подростков как основа проектирования программ профилактики в образовательной среде. *Вестник Мининского университета*, 8(3), Статья 6. <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-3-6>
Volkova, E.N., Mititsina, E.A. (2020). Review of psychological studies of vandalism of children and adolescents as a basis for designing prevention programs in the educational environment.

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

Vestnik of Minin University, 8(3), Article 6. (In Russ.). <https://doi.org/10.26795/2307-1281-2020-8-3-6>

5. Зарубин, А.В. (2015) Проблемы разграничения умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества со смежными составами преступлений. *Криминалистъ*, 1(16), 12—15. URL: <https://www.elibrary.ru/vijcil> (дата обращения: 01.07.2025).
Zarubin, A.V. (2015) problems of differentiation between intentional destruction of or damage to the property belonging to another and related crimes. *Criminalist*, 1(16), 12—15. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/vijcil> (viewed: 01.07.2025).
6. Злоказов, К.В. (2023). Субъективное отношение к себе, уголовному наказанию и потерпевшему как индикаторы криминализации личности. *Российский девиантологический журнал*, 3(4), 413—428. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-4-413-428>
Zlokazov, K.V. (2023). Attitude towards oneself, criminal punishment and victim of a crime as a predictor of a criminalization personality. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 3(4), 413—428. (In Russ.). <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-4-413-428>
7. Кобзарь-Фролова, М.Н. (2010). Соотношение правонарушения, проступка, преступления и деликта. *Вестник Российской таможенной академии*, 1, 50—57. URL: <https://www.elibrary.ru/laatdl> (дата обращения: 01.07.2025).
Kobzar-Frolova, M.N. (2010). Correlation of an offence, misdemeanor, crime and delictum. *Vestnik of the Russian Customs Academy*, 1, 50—57. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/laatdl> (viewed: 01.07.2025).
8. Кружкова, О.В., Воробьева И.В., Матвеева А.И. (2024). Методика диагностики мотивов вандального поведения для обучающихся подросткового и юношеского возраста: результаты доработки. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*, 1, 57—66. <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2024.1.57-66>
Kruzhkova, O.V., Vorobyeva I.V., Matveeva A.I. (2024). Methodology for diagnosing the motives of vandal behavior for adolescent and young adult students: the results of refinement. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 1, 57—66. (In Russ.). <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2024.1.57-66>
9. Лепина, Т.Г. (2022). Отграничение хулиганства от вандализма и массовых беспорядков по отдельным признакам состава преступления. *Гуманитарные и юридические исследования*, 9(2), 279—287. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.15>
Lepina, T.G. (2022). Delimitation of hooliganism from vandalism and mass riots on certain signs of criminal composition. *Humanities and Law Research*, 9(2), 279—287. (In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2022.2.15>
10. Мешкова, Н.В., Ениколопов, С.Н., Митина, О.В., Мешков, И.А. (2018). Адаптация опросника «Поведенческие особенности антисоциальной креативности». *Психологическая наука и образование*, 23(6), 25—40. <https://doi.org/10.17759/pse.2018230603>
Meshkova, N.V., Enikolopov, S.N., Mitina, O.V., Meshkov, I.A. (2018). Adaptation of the Malevolent Creativity Behavior Scale. *Psychological Science and Education*, 23(6), 25—40. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/pse.2018230603>
11. Николаева, Ю.В., Гребенников, В.В., Федякин, А.В., Ростокинский, А.В., Калиновская, В.С. (2020). Исследование особенностей молодежного вандализма и

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

- выработка инструментария его профилактики. *Психология и право*, 10(3), 224—234. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100315>
- Nikolaeva, Y.V., Grebennikov, V.V., Fedyakin, A.V., Rostokinskiy, A.V., Kalinovskaya, V.S. (2020). Research of Features of Youth Vandalism and Development of Its Prevention Tools. *Psychology and Law*, 10(3), 224—234. (In Russ.). <https://doi.org/10.17759/psylaw.2020100315>
12. Распопин, Е.В., Ермош, О.В. (2015). Методика изучения правосознания сотрудников органов внутренних дел. *Правоохранительные органы: теория и практика*, 1, 124—129. URL: <https://www.elibrary.ru/txnxgf> (дата обращения: 01.07.2025).
- Raspopin, E.V., Ermosh, O.V. (2015). Method of study of legal awareness police officers. *Law Enforcement Agencies: Theory and Practice*, 1, 124—129. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/txnxgf> (viewed: 01.07.2025).
13. Скляр, К.А. (2012). Проблемы разграничения вандализма (ч. 1 ст. 214 УК РФ) и уничтожения или повреждения памятников истории, культуры, природных комплексов или объектов, взятых под охрану государства, а также предметов или документов, имеющих историческую или культурную ценность (ч. 1 ст. 243 УК РФ). *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 3(22), 107—112. URL: <https://www.elibrary.ru/oqmhsr> (дата обращения: 01.07.2025).
- Sklyarov, K.A. (2012). Problems of distinguishing vandalism (Part 1 of Article 214 of the Criminal Code of the Russian Federation) and destruction or damage of historical, cultural monuments, natural complexes or objects protected by the state, as well as objects or documents of historical or cultural value (Part 1 of Article 243 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management*, 3(22), 107—112. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/oqmhsr> (viewed: 01.07.2025).
14. Староверов, А.В. (2019). О существенном отличии преступлений от административных правонарушений. *Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации*, 1(19), 192—195. URL: <https://www.elibrary.ru/kugaar> (дата обращения: 01.07.2025).
- Staroverov, A.V. (2019). On the essential difference between crimes from administrative offenses. *Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation*, 1(19), 192—195. (In Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/kugaar> (viewed: 01.07.2025).
15. Старостин, С.А. (2017). Уголовный проступок: взгляд административиста. *Вестник Омской юридической академии*, 14(4), 33—39. <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2017-14-4-33-39>
- Starostin, S.A. (2017). Criminal Misdemeanor: an Administrative Look. *Vestnik of the Omsk Law Academy*, 14(4), 33—39. (In Russ.). <https://doi.org/10.19073/2306-1340-2017-14-4-33-39>
16. Agnew, R. (2017). Building on the foundation of general strain theory: Specifying the types of strain most likely to lead to crime and delinquency. In: *Recent developments in criminological theory* (pp. 311—354). Routledge.
17. Allen, V.L., Greenberger, D.B. (1978). An aesthetic theory of vandalism. *Crime & Delinquency*, 24(3), 309—321. <https://doi.org/10.1177/001112877802400305>
18. Allen, V.L., Greenberger, D.B. (2013). Destruction and perceived control. In: *Advances in environmental psychology* (pp. 85—110). Psychology Press.

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

19. Ceccato, V. (2015). *Rural crime and community safety*. Taylor & Francis.
20. Finch, W.H. (2020). Using fit statistic differences to determine the optimal number of factors to retain in an exploratory factor analysis. *Educational and Psychological Measurement*, 80(2), 217—241. <https://doi.org/10.1177/0013164419865769>
21. Fisher, J.D., Baron, R.M. (1982). An equity-based model of vandalism. *Population and Environment*, 5(3), 182—200. <https://doi.org/10.1007/bf01257056>
22. Kalgi, M.E., Aliyev, R. (2015). Adolescents vandalism scale: its development, validity, reliability. *Journal of Educational Sciences*, 3(4), 79—93
23. Marschall, S. (2017). Targeting statues: monument “vandalism” as an expression of sociopolitical protest in South Africa. *African Studies Review*, 60(3), 203—219. <https://doi.org/10.1017/asr.2017.56>
24. Merton, R.K. (2017). Social structure and anomie. In: *Gangs* (pp. 3—13). Routledge.
25. Perchtold-Stefan, C.M., Fink, A., Rominger, C., Papousek, I. (2021). Creative, antagonistic, and angry? Exploring the roots of malevolent creativity with a real-world idea generation task. *Journal of Creative Behavior*, 55(3), 710—722. <https://doi.org/10.1002/jocb.484>
26. Pfattheicher, S., Keller, J., Knezevic, G. (2019). Destroying things for pleasure: On the relation of sadism and vandalism. *Personality and Individual Differences*, 140, 52—56. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2018.03.049>
27. Shaw, C.R., McKay, H.D. (2010). Juvenile delinquency and urban areas: A study of rates of delinquency in relation to differential characteristics of local communities in American cities (1969). In: *Classics in environmental criminology* (pp. 103—140). Routledge.
28. Sykes, G.M., Matza, D. (2017). Techniques of neutralization: A theory of delinquency. In: *Delinquency and Drift Revisited. Volume 21* (pp. 33—41). Routledge.
29. Van Wilsem, J. (2004). Criminal victimization in cross-national perspective: an analysis of rates of theft, violence and vandalism across 27 countries. *European Journal of Criminology*, 1(1), 89—109. <https://doi.org/10.1177/1477370804038708>
30. Vanderveen, G., van Eijk, G. (2016). Criminal but beautiful: A study on graffiti and the role of value judgments and context in perceiving disorder. *European Journal of Criminal Policy and Research*, 22(1), 107—125. <https://doi.org/10.1007/s10610-015-9288-4>

Информация об авторах

Кирилл Витальевич Злоказов, доктор психологических наук, доцент, исследователь, Уральский государственный педагогический университет (ФГАОУ ВО УрГПУ), Екатеринбург, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, e-mail: zkirvit@yandex.ru

Information about the authors

Kirill V. Zlokazov, Doctor of Science (Psychology), Docent, Researcher, Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0664-8444>, e-mail: zkirvit@yandex.ru

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Злоказов К.В. (2026)
Субъективная приемлемость вандализма,
посягающего на общественный порядок:
разработка конструкта и его эмпирическая проверка
Психология и право, 16(2), 31—48.

Zlokazov K.V. (2026)
The subjective acceptability of vandalism
as a violation of public order: development
of a construct and its empirical verification
Psychology and Law, 16(2), 31—48.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.

Поступила в редакцию 25.08.2025
Поступила после рецензирования 16.09.2025
Принята к публикации 16.09.2025
Опубликована 30.06.2026

Received 2025.08.25
Revised 2025.09.16
Accepted 2025.09.16
Published 2026.06.30